

Рисунок Льва Карсавина: от визуализации метафизики – к библейским стихам

В. И. Шаронов

Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Калининград, Российская Федерация
sharonovvi@gmail.com

Для цитирования:

Шаронов В. И. Рисунок Льва Карсавина: от визуализации метафизики – к библейским стихам // Визуальная теология. 2025. Т. 7. № 2. С. 228–257. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-228-257>

Аннотация. Исследование посвящено уникальному документу из архива семьи Л. П. Карсавина – рисунку восьмиконечного православного креста, оформленного визуальными элементами и фрагментами из Библии на греческом и древнееврейском языках. Композиционная цельность изображения – креста, текстовых фрагментов и сети геометрических элементов – позволили автору статьи выдвинуть предположение, что ключ к пониманию рисунка находится в теоретических работах Карсавина. Проверка гипотезы подтвердила связь рисунка с книгой «О началах», содержащей оригинальную философскую трактовку библейских стихов. Это позволило увидеть в рисунке пример символической визуализации, выражющей связь философских идеей с их религиозными основаниями. Одновременно автор статьи находит аргументы в пользу того, чтобы видеть в символизме рисунка и личное (интимное) значение, связанное с тем, что начало работы над книгой сопровождалось историей возникновения и развития любви Л. П. Карсавина к Е. Ч. Скржинской. Она стала философской музой Карсавина, а её ожидаемый, но несостоявшийся приезд к нему в 1930 г. автор статьи считает значительным мотивом для создания рисунка. В композиции с крестом философ стремился выразить свои любовь, веру, и память о совместно проведённом времени. В статье отмечаются произведения, повлиявшие на создание графического произведения: схема, приписываемая прп. Максиму Исповеднику, и работы, посвящённые символике креста. Введение в научный оборот рисунка Л. П. Карсавина заметно обогащает историю русской религиозной философии уникальным примером визуализации и позволяет по-новому взглянуть на теоретическое наследие философа.

Ключевые слова: Лев Карсавин, символика креста, Максим Исповедник, Николай Кузанский, православие, гностицизм, каббала, визуализация метафизики, совпадение противоположностей, философское обращение.

Благодарности: автор выражает благодарность за ценные отклики Льву Анатольевичу Ванееву (Сан-Франциско), приват-доценту Зальцбургского университета Юрию Николаевичу Аржанову, проректору по научной работе Санкт-Петербургской духовной академии протоиерею Константину Костромину, профессору Смоленской православной духовной семинарии протоиерею Георгию Урбановичу, исследователю Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Егору Алексеевичу Кропинову.

Lev Karsavin's drawing: from visualization of metaphysics to Bible verses

Vladimir I. Sharonov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Western branch, Kaliningrad, Russian Federation
sharonovi@gmail.com

For citation:

Sharonov V. I. Lev Karsavin's drawing: from visualization of metaphysics to Bible verses. *Journal of Visual Theology*. 2025. Vol. 7. 2. Pp. 228–257. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-228-257>

Abstract. The research is devoted to a unique document from the archive of L. P. Karsavin's family – a drawing of an eight-pointed Orthodox cross decorated with visual elements and fragments from the Bible in Greek and Hebrew. The compositional integrity of the image – the cross, text fragments, and a combination of geometric elements – allowed the author to see the key to understanding the drawing in Karsavin's theoretical work. Hypothesis testing confirmed the connection of the drawing with the book "On the Principles", which contains an original philosophical interpretation of biblical verses, and therefore the drawing can show an example of symbolic visualization expressing the connection of philosophical ideas with their religious foundations. The author finds arguments in favor of seeing a personal (intimate) meaning in the symbolism of the drawing, due to the fact that the beginning of work on the book was accompanied by the story of L. P. Karsavin's love for E. Ch. Skrzinskaya. Skrzinskaya became Karsavin's philosophical muse, and her expected but failed visit to him in 1930 is considered to be a significant motive for the drawing. In the composition with the cross, the philosopher sought to express his love, faith, and memory of time spent together. The article highlights the works that influenced the creation of the graphic work: a diagram attributed to St. Maximus the Confessor, and works dedicated to the symbolism of the cross. The introduction of L. P. Karsavin's drawing into scientific circulation significantly enriches the history of Russian religious philosophy with a unique example of visualization and gives a new understanding of the philosopher's theoretical legacy.

Keywords: Lev Karsavin, symbolism of the cross, Maxim the Confessor, Nicholas of Cusa, Orthodoxy, Gnosticism, Kabbalah, visualization of metaphysics, coincidence of opposites, philosophical conversion.

Acknowledgements: the author expresses his gratitude for valuable comments to Lev Anatolyevich Vaneev (San Francisco); Yury Nikolaevich Arzhanov, privatdozent at the University of Salzburg; Archpriest Konstantin Kostromin, Vice-rector for Research at the St. Petersburg

Theological Academy; Archpriest Georgy Urbanovich, professor at the Smolensk Orthodox Theological Seminary; Egor Alekseevich Kropinov, researcher at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

Для философии стать служанкой
богословия значит – опознать свои
религиозные основоположения

Лев Карсавин. О началах

Введение

В архивном фонде Льва Платоновича Карсавина, хранящемся в рукописном отделе Вильнюсского университета¹, есть особенный артефакт – застеклённая рамка с рисунком восьмиконечного православного креста на картоне². Его изображение (ил. 1) необычно тем, что знакомая всем строгая каноническая графика оформлена дополнительными надписями – фрагментами стихов Священного Писания на греческом и древнееврейском, множественными концентрическими окружностями, кругами и лучами, фиксирующими собой несколько малых центров креста. В нижней части композиции, по обе стороны вниз от подножия креста до его основания размещены рукописные строфы стихотворного гимна Льва Карсавина, посвященного Софии – Премудрости Божией³.

Обращает на себя внимание тщательность исполнения изображения, достигаемая человеком лишь в условиях бытовой налаженности, при использовании линейки и циркуля. Баланс разнохарактерных элементов, найденный автором, связанность всех деталей, точное соблюдение симметрии и общая цельность всей композиции также предполагают обязательную предварительную скрупулёзную разметку, неторопливость и продуманность в работе. Надписи на рисунке выполнены от руки либо печатными буквами, либо прописью. В последнем случае автор явно стремится повторить манеру гимназических учебников чистописания, лучше всего скрывающую признаки личной манеры письма. Но в нескольких местах он сбился, и тогда в оригинальной форме буквы «т», похожей на удлинённую семерку без перекладины⁴, стал узнаваем характерный почерк Льва Карсавина. Рисунок дополнен паспарту и помещён в застекленную деревянную рамку (ил. 2)⁵. Общий стиль объекта архивного хранения соответствует принятому в музеях.

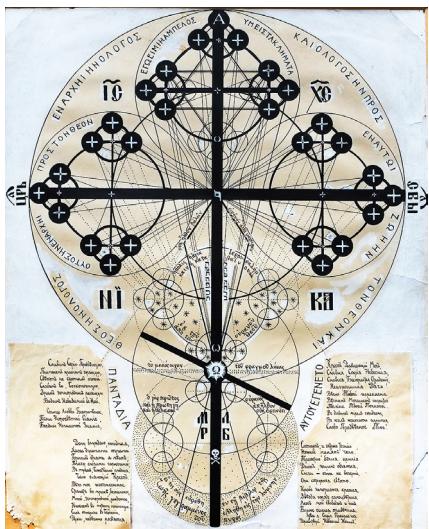
¹ Место хранения оригинала: Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (Отдел хранения рукописей Вильнюсского университета). F. 138. Ap. 233.

² Рисунок размером 252×302 мм выполнен на листе картона цвета светлой охры, крест и надписи на-несены чёрной тушью. Основное пространство с изображением креста и фрагменты с рукописными стихами выделены белым фоном, выполненным гуашью. Для коррекции надписей и рисунка, а также для нанесения деталей поверх чёрной туши также частично использована белая гуашь.

³ Стихотворение впервые опубликовано в: Карсавин 1922.

⁴ В некоторых дореволюционных учебниках чистописания именно так предлагалось писать прописную букву «Т»; для почерка Карсавина характерно такое же написание и строчную «т».

⁵ Паспарту фисташкового цвета с шириной верхней и боковых сторон по 40 мм, нижней – 45 мм. Рамка 380×440 мм красного дерева, округлая, гладкая, ширина 20 мм, внутренний металлический узкий молдинг «под золото».

Ил. 1. Рисунок Л. П. Карсавина.
Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. F. 138. Ap. 233 (слева)

Ил. 2. Рисунок Л. П. Карсавина в раме.
Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. F. 138. Ap. 233 (справа)

Необходимо отметить превосходную сохранность этого раритета, практически не пострадавшего за долгие годы скитаний по съёмным углам, которые пришлось перенести родным Льва Платоновича после его ареста. Совершенно очевидно, что сам он относился к рисунку как глубоко личному и особо ценному документу, а после его смерти это отношение перешло к жене и дочерям Карсавина, рисунок же стал семейной реликвией, символом памяти о нём. Значение рисунка его родные в полной мере не понимали, что подтверждается единственным – в письме младшей дочери Сусанны Львовны (1920–2003) – глухим упоминанием о копии «схемы», сделанной старшей дочерью Ириной Львовной (1906–1987) для Анатолия Анатольевича Ванеева (1922–1985) [Карсавина 1956 а]. Копия (ил. 3) выполнена в таком же размере, но отличается от оригинала размещением строф и почерком. В левом верхнем углу изображение дополнено контуром виноградной лозы с пятью листьями и тремя гроздьями [Ванеев 1950-е]. В оригинале лоза отсутствует, дорисовать её мог только сам А. А. Ванеев, что сразу указывает на понимание им надписей на рисунке, в т. ч. в связи со стихом Ин 15:5. По сообщению его сына, Льва Ванеева, рисунок часто появлялся на столе отца, но текстов об этом изображении в архиве Анатолия Анатольевича пока не обнаружено. Дочерей связывала с Ванеевым продолжительная переписка, пронзительная в своей доверительности и выражении родственных чувств, и дружба, продолжавшаяся до смерти Анатолия Анатольевича. Больше о рисунке сёстры не вспоминали, при том что Ванеев расспрашивал их о каждой даже самой мелкой детали, имеющей отношение к жизни своего учителя.

Рисунок этот воспроизводился в печатном виде единственный раз в 2002 г. в качестве иллюстрации в сборнике переводов на литовский язык стихов

Л. П. Карсавина, в том числе лагерного цикла «Венок сонетов» и «Терцины»⁶. Подпись под рисунком на литовском языке очень кратко сообщала: «Рисунок Карсавина, изображающий основную идею его мыслей о всеединстве. Петроград, около 1920 года» [Karsavin 2002, 42]. К сожалению, издатели, как будет показано ниже, ошибочно определили место и дату создания произведения, соотнеся графику со временем написания стихов. Книга имела небольшой тираж и осталась практически незамеченной российскими исследователями.

Ил. 3. Копия рисунка Л. П. Карсавина. Личный архив А. А. Ванеева (слева)

Ил. 4. Надгробная плита на могиле Л. П. Карсавина

Фото: Владимир Шаронов, 2014 (справа)

В 2012 г. история рисунка получила продолжение: далеко за пределами Литвы на широте Полярного круга в Республике Коми на бывшем кладбище заключенных поселка Абэзь над прахом Л. П. Карсавина была установлена плита метровой высоты из чёрного карельского гранита [Зайцева 2002]. Инициаторы установки перенесли на неё сокращенную версию рисунка (ил. 4)⁷.

Все эти годы сложное изображение православного креста и надписей на греческом оставалось загадкой практически для всех, кто видел памятник в реальности или его фото в интернете. Подобная ситуация, связанная с внешним обликом

⁶ В сборнике русские и литовские версии стихов расположены параллельно; перевод выполнен А. Буонтасом.

⁷ Инициаторами установки плиты руководили высокие чувства, но, к сожалению, эксперты не участвовали в утверждении эскиза, что привело к пяти фактическим ошибкам на плите. Так, на ней возникли неверные даты рождения и смерти – одна указана по юлианскому календарю, вторая – по григорианскому; в слове NIKA вместо буквы «А» выбита «О». Подлинные даты жизни Л. П. Карсавина в нынешнем летосчислении: 13.12.1882 – 20.07.1952.

могилы одного из самых значительных русских мыслителей, объективно продиктовала запрос на раскрытие значения рисунка и, следовательно, на проведение специального исследования, имеющего следующие задачи:

- проверить гипотезу о наличии теоретических трудов Л. П. Карсавина, содержащих сочетание фрагментов, аналогичное имеющемуся на рисунке, расценивая это возможное совпадение в качестве подтверждения их содержательной связи;
- в случае выявления таких теоретических работ использовать имеющуюся в них авторскую трактовку текстовых фрагментов, сопровождающих изображение креста, для выяснения изобразительной символики отдельных элементов и общего смыслового пространства рисунка;
- имея в виду установленный период создания теоретических произведений Л. П. Карсавина, содержащих тексты с рисунком, сопоставить с этим периодом доступные сведения о его жизни и о социально-культурном контексте для уточнения времени создания визуальной композиции, причин и мотивов её создания;
- обобщить собранные и проанализированные материалы для направления в уполномоченные государственные органы Республики Коми⁸ с целью рассмотрения республиканским экспертным сообществом вопроса об уместности памятника Л. П. Карсавину с данным изображением и законности его установки в 2012 году.

Вследствие ограниченного размера статьи данное исследование не содержит подробного раскрытия идей Л. П. Карсавина. Автор статьи также понимает, что, ввиду сложности темы, предложенные им версии могут содержать отдельные ошибки.

Тексты, элементы и визуализация идей на рисунке креста: Священное Писание

Цельность рисунка, согласованность обозначенных взаимосвязей с разными частями креста и общая уравновешенность всех частей композиции производит двойственное впечатление. С одной стороны, изображение воспринимается самодостаточным и полностью законченным. С другой, этому очевидно противоречит тематическая разобщенность использованных фрагментов из Священного Писания. Высокая научная и философская культура, дисциплина мысли, свойственная Л. П. Карсавину, исключают случайность в деталях рисунка, из чего возникает необходимость подходить к каждой детали как обстоятельно продуманному произведению, и, следовательно, имеющему содержательные раскрытия в теоретических трудах автора.

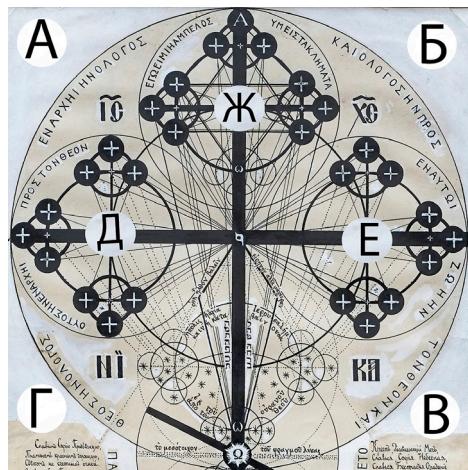
Поскольку Лев Карсавин в своих работах цитировал стихи Ветхого и Нового Заветов преимущественно в синодальном переводе, фрагменты с рисунка необходимо привести именно к этой редакции. А для расширения возможностей поиска содержательных трактовок использовать не только фрагменты, но и полные версии соответствующих библейских стихов. Это актуально еще и потому что при создании текстов Карсавин нередко цитировал источники просто по памяти и потому отклонялся от первоисточника [Клементьев 1994, 371]. Целостность изо-

⁸ Согласно Указу Главы Республики Коми, кладбище в Абези отнесено к памятникам истории и культуры местного (республиканского) значения [см.: Указ 1999].

бражения объективно востребовала создание русскоязычно версии всей композиции, без чего осталась бы не раскрытой геометрическая символика рисунка.

Для максимальной точности в деталях электронная версия архивного документа была условно разбита на 10 секторов и обозначена литерами русского алфавита от А до Л. При этом начальные буквы от А до Г были присвоены секторам, содержащим наиболее выразительные фрагменты стиха Ин 1:1, выполненные самым крупным шрифтом и распределённые по внутренней стороне большой окружности.

Секторы А, Б, В, Г, Д, Е, Ж включают в себя круг, очерченный большой окружностью, и три окружности вокруг верхней и двух сторон основной перекладины креста (ил. 5).

Ил. 5. Секторы А–Ж

Надпись фрагмента стиха Ин 1:1 вдоль внутренней стороны самой большой окружности (ил. 6), исполнена наиболее крупным размером шрифта. Стих разделён на фрагменты, распределённые по секторам.

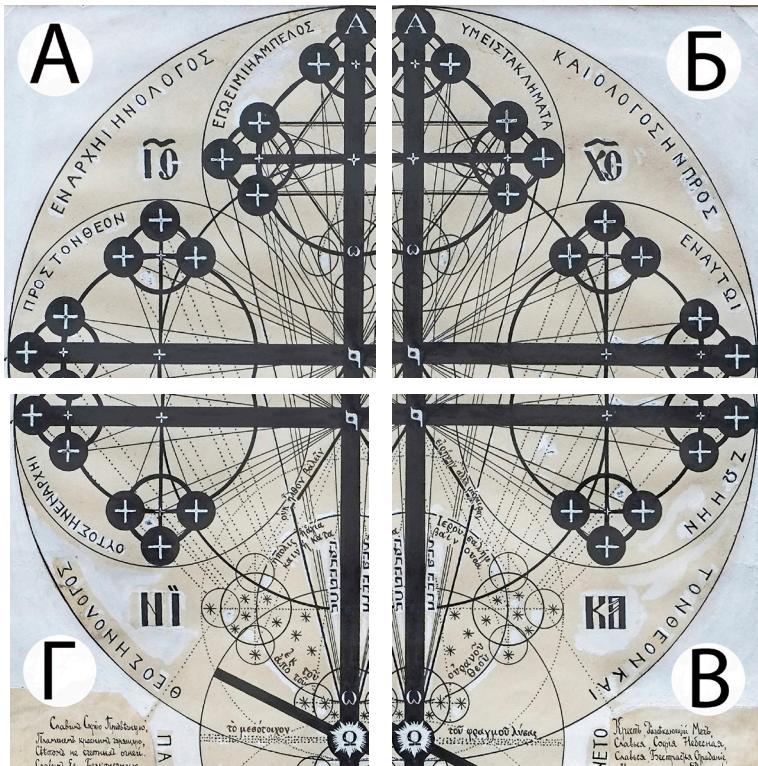
А. Начало фрагмента стиха Ин 1:1 на греческом: *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος* соответствует синодальному переводу⁹: «В начале было Слово».

Б. Продолжение стиха Ин 1:1 читается вдоль большой окружности: *καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς* соответствует переводу «и Слово было у».

В. Продолжение стиха Ин. 1:1 вдоль большой окружности: *τὸν Θεόν καὶ* соответствует переводу: «Бога и».

Г. Заключительный фрагмент стиха Ин 1:1 вдоль большой окружности: *Θεὸς ἦν ὁ λόγος* соответствует переводу: «Слово было Бог». Таким образом секторы А, Б, В и Г содержат полный стих Ин 1:1: *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος*, в переводе соответствует: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

⁹ Далее для экономии места при указании на перевод Священного Писания всегда имеется в виду синодальная версия, если иное не оговорено специально.

Ил. 6. Секторы А–Г

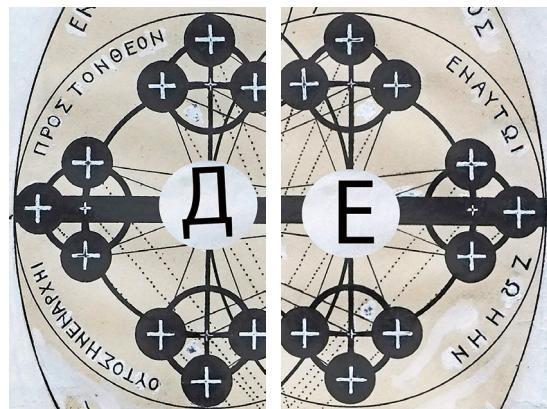
Последовательность присвоения литер Д, Е, Ж (ил. 7–9) определено размещением на них стихов Евангелия от Иоанна: Д и Е – по стихам Ин 1:2, Ин 1:4, Ж – по фрагменту стиха Ин 15:5.

Д. Стих Ин 1:2 написан по внутренней стороне средней окружности у левой для зрителя горизонтальной перекладины креста. Надпись разделена / соединена¹⁰ горизонтальной перекладиной креста: οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ | πρὸς τὸν Θεόν¹¹, что соответствует переводу: «Оно было в начале | у Бога».

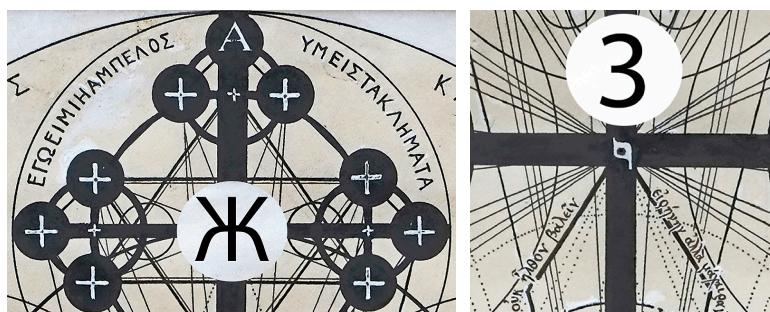
Е. Начало фрагмента стиха Ин 1:4 размещено по внутренней стороне средней окружности у правой для зрителя горизонтальной перекладины креста. Надпись разделена / соединена горизонтальной перекладиной креста: ἐν αὐτῷ | ζωὴ ἦν, что соответствует переводу: «В Нём | была жизнь». Полный стих Ин 1:4, содержащий размещённый фрагмент: ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν καὶ ἡ ζωὴ ἦν τὸ φῶς τῶν ἀνθρώπων, в переводе соответствует: «В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков».

¹⁰ Есть более чем достаточные основания понимать визуальный символический язык Карсавина с учётом разделяемого им принципа «coincidentia oppositorum» – «совпадения противоположностей». Написание по обе стороны от частей креста мы трактаем как знак одновременного разделения и соединения, указывающий на важные для Карсавина идеи продолжения через прерывы, Жизни-чрез-Смерть.

¹¹ Вертикальной чертой отмечены места разделения / соединения фрагментов текста частями Креста.

Ил. 7. Секторы Д–Е

Ил. 8. Сектор Ж (слева)

Ил. 9. Сектор З (справа)

Ж. Начало фрагмента стиха Ин 15:5 в секторе Ж размещено по внутренней стороне окружности от левого края титла к вертикали креста и до правой оконечности титла. Надпись разделена / соединена вертикалью креста, увенчанной прописной буквой А – альфа: ἐγώ εἰμι ἡ ἄμπελος | ὑμεῖς τὰ κλήματα, что соответствует переводу: «Я виноградная лоза | вы – ветви». Полный стих Ин 15:5, содержащий размещенный фрагмент: ἐγώ εἰμι ἡ ἄμπελος ὑμεῖς τὰ κλήματα ὁ μένων ἐν ἐμοὶ κάγὼ ἐν αὐτῷ οὗτος φέρει καρπὸν πολύν ὅτι χωρὶς ἐμοῦ οὐ δύνασθε ποιεῖν οὐδέν, в переводе соответствует: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего».

Сектор З занимает средокрестие с двумя фрагментами стиха Мф 10:34 по сходящимся / расходящимся лучам по обе стороны от вертикали креста (ил. 9). Фрагмент стиха Мф 10:34 написан от нижней точки левого луча вверх по направлению к средокрестию, затем вниз по левому лучу. Надпись разделена / соединена вертикалью креста: οὐκ ἥλθον βαλεῖν | εἰρήνην ἀλλὰ μάχαιραν, в переводе соответствует: «не мир пришёл Я принести, но меч». Полный стих Мф 10:3: μὴ νομίσητε ὅτι ἥλθον βαλεῖν εἰρήνην ἐπι τὴν γῆν οὐκ ἥλθον βαλεῖν εἰρήνην ἀλλὰ μάχαιραν, в переводе соответствует: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч».

Секторы И, К, Л (ил. 10) занимают окружность над подножием, окружность вокруг подножия и окружность ниже подножия креста.

Ил. 10. Секторы И–Л (слева)

Ил. 11. Сектор И (справа)

И. Во фрагменте стиха Откр 21:2 Карсавин отступает от синодального перевода и меняет падеж фразы из винительного в именительный. Фрагмент (ил. 11) размещён в две строки вдоль верхней части и нижней часть окружности и разделён / соединен вертикалью креста. Верхние две строки: ἡ πόλις ἡ ἀγία | Ιερουσαλήμ и καινὴ καταβαίνουσα¹². Перевод фрагмента соответствует: «город святой | Иерусалим новый ни|ходящий». Второй фрагмент стиха Откр 21:2 размещён вдоль нижней внутренней стороны малой окружности, также в две строки и разделен/соединен вертикалью креста в том месте, где на кресте нанесена строчная буква ω (омега)¹³. Выше: ἐκ τοῦ | οὐρανοῦ, что соответствует: «с | неба», ниже: ἀπὸ τοῦ | Θεοῦ, что соответствует переводу: «от | Бога». Полный стих Откр 21:2: καὶ τὴν πόλιν τὴν ἀγίαν Ιερουσαλήμ καινὴν εἴδον καταβαίνουσαν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἀπὸ τοῦ θεοῦ ἡτοιμασμένην ως νύμφην κεκοσμημένην τῷ ἀνδρὶ αὐτῆς, в переводе соответствует: «И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего».

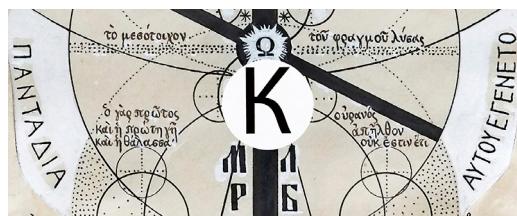
По обе стороны вдоль вертикали Креста на древнееврейском написаны фрагменты стиха Быт 3:24. Обе надписи читаются сверху вниз, начиная с правой надписи от вертикали креста затем также – сверху вниз – читается левая. (При перенесении в горизонтальное написание обе части читаются справа налево): תְּהִלָּה | כְּרָבֵבֶת – пылающий (горящий) меч отвращающийся¹⁴. Полный стих Быт 3:24: הַמְּהֻנָּה לְשֹׁמֶר אֶת־צֶדֶקְעֵן מִשְׁפָּטֵן מִקְרָבֵן לֹא־עֲזֵן אֶת־הַכְּרָבֶבֶת וְאֶת־לְהִלָּה в переводе соответствует: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

¹² Образовано Л. П. Карсавиным от καινὴν εἴδον καταβαίνουσαν.

¹³ Строчная буква ω отсылает к стиху «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Откр 1:8, 1:10, 22:13).

¹⁴ עֲזֵל – редкий глагол, означающий «гореть, пылать». Определением «отвращающийся» передаётся, что меч вращался в разные стороны или обращался вокруг себя, – от глагола «вращаться».

К. По обе стороны за границами окружности на выбеленном фоне написаны фрагменты стиха Ии 1:3 (ил. 12). Слева: πάντα δι', что соответствует переводу: «всё чрез», справа: αὐτοῦ ἐγένετο, что соответствует переводу: «Него нáчало быть». Полный стих Ии 1:3: πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἐν δι γέγονεν, в переводе соответствует: «Всё чрез Него нáчало быть, и без Него ничто не нáчало быть, что нáчало быть». В центре подножия расположена прописная буква Ω (Омега), помещённая в центр звезды. По обе стороны от центра подножия размещён фрагмент стиха Еф 2:14, разделённый / соединённый вертикалью и подножием креста: τὸ μεσότοιχον | τοῦ φραγμοῦ λύσας, что соответствует переводу: «разрушивший стоявшую | посреди преграду». Полная строка стиха Еф 2:14¹⁵: αὐτὸς γάρ ἔστιν ἡ εἰρήνη ἡμῶν ὁ ποιήσας τὰ ἀμφότερα ἐν καὶ τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ λύσας τὴν ἔχθραν ἐν τῇ σαρκὶ αὐτοῦ, в переводе соответствует: «Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду».

Ил. 12. Сектор К (вверху)

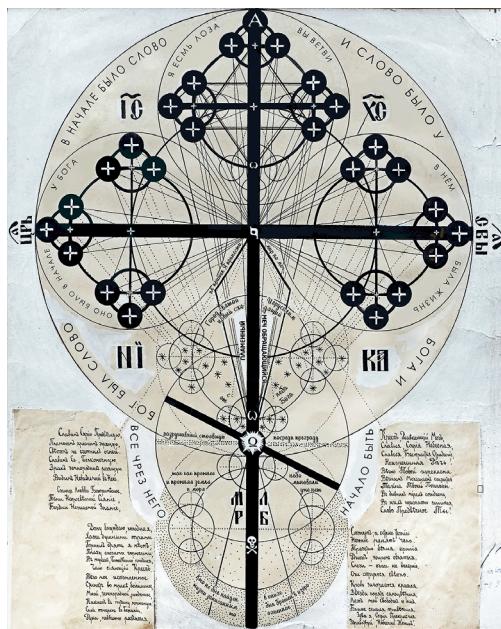
Ил. 13. Сектор Л (внизу)

Фрагменты стиха Откр 21:1 написаны ниже подножия в три строки слева и справа от вертикали креста. Читается вначале верхняя строка, разделённая / соединённая вертикалью креста, и далее аналогично читает средняя строка, и за ней читается нижняя строка. Верхняя строка: ὁ γάρ πρώτος | οὐρανὸς, в переводе соответствует: «так как прежнее | небо». Средняя строка: καὶ ἡ πρώτη γῆ | ἀπῆλθαν, в переводе соответствует: «и прежняя земля | миновали». Нижняя строка: καὶ ἡ θάλασσα

¹⁵ Л. П. Карсавин использует на рисунке только одну строку из полного стиха, занимающего три строки послания: «Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Свою, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроив мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нём (Еф 2: 14–16).

| οὐκ ἔστιν ἔτι, в переводе соответствует: «и моря | уже нет». Полный стих Откр 21:1: καὶ εἶδον οὐρανὸν καινὸν καὶ γῆν καινήν ὁ γὰρ πρῶτος οὐρανὸς καὶ ἡ πρώτη γῆ ἀπῆλθαν καὶ ἡ θάλασσα οὐκ ἔστιν ἔτι, в переводе соответствует: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет».

Л. Фрагмент стиха Откр 20:15 (без первого предлога «и») написан в три строки по внутренней стороне нижней части круга слева и справа от вертикального бруса в основании креста (ил. 13). Верхняя строка: εἴ τις οὐχ εὑρέθη | ἐν τῇ βίβλῳ τῆς, что соответствует переводу: «если кто не был записан | в книге». Средняя строка: ζωῆς γεγραμμένος | ἐβλήθη εἰς τὴν λίμνην, что соответствует переводу: «жизни записанный | тот был брошен в озеро». Нижняя строка: τοῦ | πυρός, что соответствует переводу: огненное. Полный стих Откр. 20:15: καὶ εἴ τις οὐχ εὑρέθη ἐν τῇ βίβλῳ τῆς ζωῆς γεγραμμένος ἐβλήθη εἰς τὴν λίμνην τοῦ πυρός, в переводе соответствует: «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное».

Ил. 14. Русскоязычная версия рисунка Л. П. Карсавина

Текст стихов на рисунке, посвящённых Софии – Премудрости Божией, в переводе не нуждается. Он имеет несколько мест, отличных и от первой редакции, вошедшей в работу 1922 г. «София земная и горняя» [Карсавин 1922, 89–90], и от варианта, представленного в книге «О началах» тремя разделёнными частями и в изменённом порядке¹⁶ [Карсвин 1994 а, 55–56, 175–176, 237]¹⁷. Данное несовпаде-

¹⁶ В обеих указанных работах Л. П. Карсавина редакции стихотворения также имеют отличия.

¹⁷ В настоящей статье использовался полный авторский текст этой работы, реконструированный на основании уцелевших авторских рукописей. Первая часть книги «О началах. I. Бог и тварный мир» была напечатана в 1925 г., II и III части при жизни Льва Карсавина не были изданы [Клементьев 1994, 369].

ние позволяет принять его в качестве признака, указывающего на разное время создания текстов и рисунка.

Перенос текстовых фрагментов в их синодальной редакции на точную копию исходного рисунка креста в соответствии с геометрическими линиями позволил получить полную русскоязычную версию визуального произведения Л. П. Карсавина (ил. 14).

Тексты, элементы и визуализация идей на рисунке креста: религиозная метафизика

Сопоставление фрагментов библейских стихов на рисунке с текстами трудов Л. П. Карсавина позволяет утверждать, что в подобном сочетании большинство их использовано в работе «О началах» (1925) и в несколько меньшем количестве – в трактате «О личности» (1929). В обоих случаях текстовые элементы рисунка сопровождены связанными с ними метафизическими умозрениям автора.

Прежде всего, на связь с рисунком книги «О началах» указывает обоснование в ней истинности восьмиконечного православного креста: «В Божественности Крест равноконечен, причём линия, идущая вниз, утверждает в Боге совершенство твари. Несовершенная тварь искупаема на Кресте, чтобы быть в Божественность вознесённою; и таким образом равноконечный Крест становится, как искупающий, восьмиконечным» [Карсавин 1994 а, 171]. На вполне определённую связь этой книги и рисунка указывает также диалог в finale одной из глав, резко нарушающий своей реалистической манерой общую стилистику метафизического произведения. Один монах предлагает второму свой чертёж, созданный по примеру схемы Максима Исповедника (580–662)¹⁸ и призванный прояснить тайну Пресвятой Троицы. Карсавин завершает фрагмент словами старца, что все эти «кружочки там разные, да треугольнички, да крестики» несопоставимы с Божественной тайной [Карсавин 1994 а, 175]. Однако эта критичность не помешала Карсавину предложить собственные геометрические построения для пояснения своих идей, поскольку в этом случае исходным материалом для визуализации стали не священные стихи, не мистические откровения и не догматы, а продукт собственного разума, философских умозрений автора.

Разделы работы с этими схемами имеют заметное сходство с работами Николая Кузанского (1401–1464) и его попытками изложить мистическое языком науки (математики)¹⁹. Как и немецкий автор, русский метафизик руководствовался в своей философии принципом совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*), подчёркивал его значение²⁰. Уже в своей первой само-

¹⁸ Очевидно, что речь идёт о схеме, представленной в работе С. Л. Епифановича (1886–1918) в качестве произведения прп. Максима Исповедника [Епифанович 1917, 78–79]. Киевский патролог указал, что издаёт текст по рукописи Константина Полиакаппы, византийского писца XVI в., известного своими фальсификациями, однако тема подлинности рукописи в данной статье не рассматривается.

¹⁹ Подобные схемы можно обнаружить и у Джордано布鲁но; книгу о нём Л. П. Карсавин издал в Берлине в 1923 г.

²⁰ Повышенным вниманием к совпадению противоположностей в совершенно новой культурно-исторической ситуации Л. П. Карсавин демонстрирует свою уникальную чуткость к особенностям нашего времени – склонности культуры к воплощению противоречий, прежде всего, веры и неверия в человеке, религии и автономной науки.

стоятельной работе «*Saligia*» он указал, что словосочетание «совпадение противоречий» начертано на пылающем мече серафима²¹ [Карсавин 1919, 21]. Карсавин прямо обозначил в книге «О началах» своё заимствование у Кузанца нескольких ключевых понятий: «*possess*»²² и «*contracte*»²³ [Карсавин 1994 а, 85, 90]. Близость его метафизики взгляда на немецкого мистика не ограничивалась отдельными совпадениями и частными заимствованиями: он оригинально интерпретировал²⁴ и развил идеи Кузанца в собственных умозрениях о всеединстве [см.: Евлампиев 2010, 131; Малинов 2011, 497].

Архивный рисунок Льва Карсавина с его плотной сетью прямых линий, концентрических окружностей, затонированных кругов и расходящихся / сходящихся лучей по своей сложности качественно превышает более простые в образном выражении и схемы Кузанца, и те суждения, что даны в книге «О началах». При этом линейно-концентрическая паутина вокруг креста, производящая впечатление чрезвычайно усложнённой, при её неспешном и подетальном рассмотрении позволяет выделить в ней немного простейших составных элементов, и тогда оказывается, что они превосходно соотносятся с некоторыми ключевыми идеями метафизики Карсавина. Так, в каждой группе утроенных кругов с малыми равноконечными крестами, объединённых окружностями и расположенных по оконечностям креста, опознаётся манифестация тринитарного догматса. Связанные группы из двух и трёх окружностей вполне соответствуют идеям о двуединстве Бога и Человека на основе триединства. Группы с четырьмя окружностями прочитываются как триединство «*possess*» в двойстве разъединения-воссоединения и выражают собой четверицу, а утверждение триединства, по Карсавину, есть творение [см.: Карсавин 1994 а, 85–86] и т.д.

Большое число сплошных прямых линий, связывающих разные «двуединые» и «триединые» группы окружностей, указывают собой на пространственно-временные связи, «функциональные или причинные и превращающие множество в систему», свойственные пространственно-материальному миру от кристалла до души человека, но не обладающие «тою же конкретностью, что и элементы» [Карсавин 1994 а, 120].

В составленных из точек прямых, т.е. в множествах, организованных в прямые, выразительно представлена «геометрия» карсавинской метафизики времени, раскрываемой в его непрерывно становящихся-погибающих моментах, выраженных точками, излучаемыми из средокрестия и возвращающимися

²¹ Пылающий или пламенный меч присутствует в нескольких книгах Карсавина, что указывает на особую значимость для него этого символа.

²² *Possess* (от лат. *posse* – «мочь» и *est* – «есть») – возможность бытия; у Николая Кузанского – совпадение потенций и акта.

²³ *Contracte* – от лат. *contractio*; возможны и используются три варианта перевода: ограниченное, конкретное и стяжённое. Последнее значение «*contracte*» – «стяжённо» – использует Л. П. Карсавин [см.: Мелих 2000, 263–264].

²⁴ По справедливой оценке, термин «интерпретация», применяемый для характеристики отношения Карсавина к работам Николая Кузанского, недостаточно отражает глубину его понимания наследия немецкого автора: «Если он <Карсавин> так читал сочинения Николая, значит, их действительно можно и нужно так читать» [Евлампиев 2010, 497].

в этот центр, именуемый алогеем²⁵ и всеединством [см.: Карсавин 1994 а, 46–49]. «Единичности или отдельности – элементы, атомы и т. п. ... на грани чистой материи или небытия, все вместе составляющие предельное для эмпирии умаление» [Карсавин 1994 а, 119], обозначены Карсавиным в нижней части рисунка в виде хаотичных и заметно более разрозненных точек, как заполняющие «низшие» сферы бытия. А другая схожая, но более плотная «туманность» разрозненных, хаотичных точек в основании креста сопровождается строчками стиха Откр 20:15 и символизирует души находящихся в аду и ожидающих прощения грешников.

Тема ада для Льва Карсавина имеет важнейшее значение: в вечности ада он не сомневается, считая, что «отрицая вечность ада, мы, сами того не замечая, отрицаем и вечное блаженство; утверждая же его – исповедуем победу Христа над адом» [Карсавин 1994 а, 278]. К теме ада вплотную примыкает и главный для любого христианина вопрос о личном спасении. Идеи всеединства и апокатастасиса, по Карсавину, жёстко взаимосвязаны, «ибо не может быть всеединством то, часть чего целому не причастна» [Карсавин 1994 а, 276]. С позиций догматического богословия Лев Платонович считал проблему всеобщего спасения нераскрытым современным ему состоянием догматики, но само учение о спасении всех – согласуемым с Константинопольским Собором 553 года [Карсавин 1994 а, 276]. Отсутствие ясности в самом главном вопросе выражено на рисунке неупорядоченной туманностью точек в нижнем сегменте рисунка – символическом месте ада.

Конечно, уже указанное исхождение / схождение²⁶ прямых, связанных со средокрестием, позволяет полагать его важным смысловым центром рисунка. Однако Лев Платонович дополнил центр креста очень непростым знаком²⁷. Его провокативность заключена в том, что он может прочитываться одновременно и как шестая, и как десятая буква еврейского алфавита – как ת / вав и י / йуд (йод). В условиях вероучительной безграмотности и предубеждённости к иным религиям и к инославию это порождает риски возникновения нечистоплотных спекуляций о взглядах православного мыслителя. Их вероятность достаточно высока; так, можно указать на прецедент, когда даже автор с высоким научным статусом утверждает, что основанием теоретической мысли Карсавина было «каббалистическое учение (т. е. иудейский гностис)»²⁸ [Евлампиев 2022, 635].

Впрочем, к созданию подобных рисков вокруг своего имени причастен и сам Лев Карсавин: ещё в 1918 г. этот признанный академический учёный, крупнейший специалист по христианскому средневековью и ересям публично обозначил своё научное кредо, заявив, что даже в ересях скрыты «зёрна истины», до времени

²⁵ Находясь в заключении, Л. П. Карсавин написал работу «Апогей человечества» – о времени земной жизни Христа как наивысшем взлёте веры, мысли и всей культуры.

²⁶ В соответствии с принципом coincidentia oppositorum.

²⁷ Инициаторы установки могильной плиты воспроизвели и изображение этого знака, но в искажённом виде.

²⁸ При внимательном прочтении обнаруживается, что в значительной части это утверждение базируется на явно насильтвенном перетолковании слов Карсавина, указавшего на характерную тенденцию русского еврейства – слияние у представителей этой среды русской философии с мистическими идеями каббалы [Карсавин 1928, 80]; в статье уважаемого автора эти слова поданы как «наглядная характеристика самого Карсавина, якобы, относящаяся в целом к русской религиозной философии [Евлампиев 2022, 642].

не замечаемые Церковью, а задача богословов и метафизиков – отыскать эти зёरна, очистить их от плевел и «предоставить им свободно расти»²⁹ [Карсавин 1918, 6]. Позднее эта научная позиция оформилась в понимание личного призвания как свободного философского искания истины на основе православной доктрины и неразрывной связи философии с богословием [см.: Карсавин 1994 а, 71–78].

Карсавин самым внимательным образом относился к идеям гностицизма, в т. ч. к его версиям в христианстве и в иудаизме. Соотношение его метафизики с подобными течениями не раз становились предметом обстоятельных исследований отечественных учёных. Их общий вывод заключается в наличии разной степени сходства при отсутствии между ними тождества, тем более общих религиозных оснований [см.: Родин 2006, 142]. Отношения между христианским вероучением и гностицизмом нередко становятся предметом идеологизированной оценки, причём такая оценка, как правило, не достигает существа того и другого. По меткому замечанию А. П. Козырева, «гностицизм так же, как и пантеизм, является своеобразным зеркалом, в которое постоянно глядится христианское богословие, и в то же время “закраиной”, за которую ступать опасно. Однако история христианской цивилизации показывает, что гностическое отношение к миру не изживается только анафемой. Гностицизм остается другой версией христианства, которая притягивает к себе беспокойные в своём поиске умы» [Козырев 2022, 486].

В самом факте внимательного изучения каббалы Карсавиным нет ничего экстраординарного; она давно привлекла внимание христианских мыслителей, достаточно вспомнить яростную полемику вокруг труда Иоганна Рейхлина (1455–1522) «De arte cabbalistica» (1517). Льву Платоновичу, вне всяких сомнений, была хорошо известна история этой попытки сочетать христианство и каббалистическую мистику. Отметим, что эта книга содержала истолкования буквы «йуд» и буквы «вав» [см.: Reuchlin 1993, 265–331]. Не прошли мимо темы каббалы Бенедикт Спиноза (1632–1677), Готфрид Лейбниц (1646–1716) и др. Среди русских авторов, углублявшихся в темы каббалы, в первую очередь следует упомянуть, конечно, Владимира Соловьёва [см.: Бурмистров 2011; Соловьёв 1894; Соловьёв 1896]. Обращались к этой теме Николай Бердяев (1874–1948), о. Сергий Булгаков (1871–1944), о. Павел Флоренский (1882–1937) и др.

Разумеется, знак на рисунке Карсавина не мог появиться без уже указанной продуманности каждой детали изображения, тем более, что он помещён в средо-крестие. Его промежуточная, третья форма между «йуд» и «вав» в этом случае прочитываются как пример собственно карсавинской «игры в бисер»³⁰. И, конечно, у обеих букв есть многое такое, чем они могли привлечь и Льва Карсавина, и, к несчастью, многочисленных поклонников эзотеризма. И «йуд», и «вав» входят в тетраграмматон יהוה / йуд-хе-вав-хе. Как известно, они передают в иудаизме

²⁹ Карсавин оставался верным этой позиции позже, в т. ч. в работе «О началах», указывая, что и в язычестве присутствует мерцание истины, проясняемое только в христианстве [Карсавин 1994 а, 42–44].

³⁰ В философских и богословских Карсавина не трудно обнаружить выражение его особой чуткости к современной культуре и интуитивной кружению мысли вокруг идеи о гуманитарной теории на фундаменте основе православной доктрины, объединившей бы теории времени, пространства, души и тела.

непроизносимое имя Бога, гипотетически читаемое как Яхве³¹; это имя восходит к библейским стихам: «Я есмь Сущий» (Исх 3:14) и «Сущий – имя Его» (Ос 12:5). Тетраграмматон в православии относится к каждому Лицу Святой Троицы, выражает силу и святость имени Христова.

Что же касается отдельно взятых букв, то в самом прямом, грамматическом значении «вав» – это соединительный союз; в таком качестве он объединяет все части креста и символизирует единство Ветхого и Нового Заветов с их центральным (с точки зрения христианства) событием – искупительной жертвой Спасителя, Его смертью на кресте. Но в каббALE значения букв «вав» и «йуд» выходят далеко за границы грамматики, и некоторые из таких толкований действительно можно при желании увязать с идеями Льва Карсавина. Например, «вав» как знак высшего единения – духа и материи, неба и земли и пр. в чём-то перекликается с идеей всеединства. Способность этой буквы преобразовывать глагольное время – прошлое или будущее в свою противоположность и пр. [Ginsburgh 1992, 94–95] – символически соответствует убеждённости Льва Платоновича в том, что некоторые люди обладают даром ясновидения [Карсавин 1994 б, 210–219].

«Йуд» как «начальная точка пространства и времени» в каббALE [Ginsburgh 1992, 155] без труда может быть сближена с тем, как Карсавин раскрывает тему свободного творения мира Богом, «сжимающимся» в точку: в Боге «возникает “ничто”, ничтожная точка, и этому “ничто” противостоит всё иное, как абсолютная необходимость. И Бог уже разъединён, разъят на свободную ничтожную точку и абсолютную необходимость. Однако свободная точка растёт, превозмогает и делает собою “иное”, пока это “иное” в свою очередь не станет ничтожной точкой, а точка – абсолютной свободой. Но вот – точка стала всем, и необходимость исчезла» [Карсавин 1994 а, 39]. Помимо этого, каббала связывает значение «йуд» с праведником как основанием мира [Ginsburgh 1992, 155–164], что позволяет сблизить это толкование с таким праведником в христианстве – самим Спасителем. Это тем более нетрудно, что «йуд» представляет собой первую букву имени *יעָדָה* – Иисус.

Дополнительно подтолкнуть трактовки рисунка в направлении каббали способен и фрагмент о пылающем мече (Быт 3:24), так в ней есть понятие пути пылающего меча, называемого также лучом молнии творения, соединяющим 10 сфирот каббалистического древа жизни [см.: Орен, Прат 1996, 644].

Однако в целом в карсавинских оценках еврейского гностицизма, в том числе в книге «О началах», явно преобладала критическая направленность, несмотря на признание им отдельных удачных образов и недостаточно ясных интуиций. От каббали Лев Платонович заметно дистанцировался: признавая гениальность еврейского народа, выраженную в этом учении, он одновременно и сразу дополнял эти признания своей точкой зрения о том, что еврей «может создавать великое и оригинальное только в сфере своей же культуры, а никак не в отрыве от нее»³²

³¹ Как указывает авторитетный библеист, «все научные толкования его [тетраграмматона] этимологии – не более чем гипотезы» [Иларион 2013, 26]. Карсавин также касается этой темы в книге «О началах» [Карсавин 1994 а, 42].

³² Важность этого утверждения Лев Карсавин дополнительно отметил разрядкой, использованной в тексте первоисточника.

[Карсавин 1928, 68]. Он сам указывал на принципиально разные решения философских апорий в каббALE и христианстве [см.: Карсавин 1994 б, 237]. Свою метафизику прошлого, настоящего и будущего он раскрывал через категорию всевременности всякой личности и принципиально не нуждался в каббалистических «салты», связанных с буквой «вав» или какими-либо магическими знаками. Понимание Бога, сжимающего себя в точку, Карсавин развивает, находя исток своих размышлений не в каббALE, а у Николая Кузанского с его трактовкой Бога как точки, как «свёрнутости свёртываний (*complicato complicationum*)», Его природы – в качестве бытия, свёртывающего в себе всё, и т.п. [Николай Кузанский 1980, 295–296].

Наконец, самое главное: Лев Карсавин неизменно подчёркивал значение православной доктрины, своё личное признание её истинности, что сразу перечёркивает любые попытки усмотреть в его православной метафизике элементы каббALE или заподозрить философа в попытках инкорпорировать её идеи в христианство.

Зорко подмеченная исследователем наклонность Льва Карсавина «балансировать, как на канате, на грани гностицизма», при этом стараясь избегать его соблазнов и удерживаться в плоскости христианского предания» [Козырев 2022, 486], также возвращает нас к пониманию знака, схожего с буквами «йуд» / «вав» и помешённому в средокрестие, как к осмысленного художественного жеста, своеобразного авторского росчерка.

К загадочности этого знака близка тройная Ω / ω (омега) на вертикальном брусе креста, причём одна из букв исполнена в её прописном варианте, а две – в строчном. Если с хрестоматийным значением большой омеги (Ω) вопросов не возникает – как в сочетании с буквой А (альфой) в Откр 1:8, так и с её присутствием на православных иконах в позиции верхнего титла на нимбе Спасителя, – то две строчные явно относятся к карсавинской метафизике. В книге «О началах» можно найти только одно удвоение: удваивается смерть – как смерть «первая» и смерть «вторая»³³. Предположение о двух малых омегах как символике смерти способно возмутировать тех, кто привык видеть Θ (фиту), когда речь идёт о смерти ($\thetaάνατος$). Но для Льва Платоновича «смерть есть и жизнь» и, следовательно, две малые ω уместны как символы смерти, происходящей «во всяком мгновении умирающей жизни нашей» [Карсавин 1994 а, 281].

«Первая» смерть представляет собой «предельный для эмпирии факт», завершение греховной и ограниченной земной жизни, представляющее собой знакомое всем умирание человека [Карсавин 1994 а, 220]. Опираясь на слова апостола о смерти «второй» – той, что «повержена в озеро огненное» (Откр 20:14), – Карсавин настаивает, что полнота «второй» смерти необходима каждому для подлинного и полного соединения с Богом [см.: Карсавин 1994 а, 217–224]. Но наше несовершенство, неполнота нашего тварного хотения мешают нам это принять, несмотря на то, что мы постоянно произносим от своего имени слова одиннадцатого члена Символа веры.

В доктрике Лев Карсавин видел эвристическое значение, и этим он отличался от всех коллег по религиозно-философскому цеху. Это представление о доктрике

³³ Слова «первая» и «вторая» в данном контексте взяты в кавычки самим Л. П. Карсавиным.

было одним из краеугольных положений его теоретических взглядов не только в метафизике: он считал догматику фундаментом для раскрытия христианского смысла истории человечества и культуры [Ванеев 1990, 143]. Именно поэтому на его рисунке фрагмент пролога Евангелия от Иоанна охватывает собой все части креста и тем выявляет своё первенствующее значение для автора изображения.

В книге «О началах» Карсавин соединяет значение пролога Ин с темой жизненной истинности веры. Строки пролога непосредственно связаны с той частью текста, где раскрывается главное условие абсолютно непререкаемого условия веры во Всеединую Истину: «Она должна с предельною для эмпирии полнотой, на самой грани эмпирии, на Кресте, выразиться и как Истина, и как Жизнь»³⁴ [Карсавин 1994 а, 74]. Помимо богословского значения этих слов, они представляют собой глубоко личное исповедание Льва Карсавина. Находясь в заключении, совершенно освобождённый от любой необходимости обосновывать свои взгляды цепью сложных обоснований, он нашёл для этой же мысли другие слова, удивительные по своей простоте и проникновенной убедительности: «Здесь все удивляются моей бодрости и ровности духа. Мне же всё представляется практическою поверкою правильности моей философии» [Карсавин 1951 а].

Значительность пролога, как ключа к православному учению о Троице и Божественном Логосе и главного выражения христианской мистики Богооплощения и Откровения, Карсавин подчеркнул его главенствующим положением на рисунке. А вот мистическая составляющая самой карсавинской метафизики далеко не всегда замечаемы³⁵, тогда как своим преображением в религиозного мыслителя этот учёный обязан опыту мистических озарений, пережитых в состоянии особой любви к вполне земной Елене Чеславовне Скржинской³⁶. Страстное чувство не только настигло и захватило Льва Карсавина, но его любовь преодолела земную ограниченность так, как это бывает у очень и очень немногих, – она открыла ему любовь Бога. И вот тогда мистические озарения, о которых он писал в качестве бесстрастного учёного, стали частью его самого, частью его мысли, личности, жизни. Этим только и можно понять, как в этой любви он «вдруг» состоялся в качестве философа и как произошло преобразование учёного-историка в религиозного мыслителя.

Историю этой особенной любви, питавшей потом всю его теоретическую жизнь, Карсавин изложил в своем метафизическом трактате «Noctes

³⁴ В целях экономии места повторное цитирование фрагментов синодального перевода стихов в их связи с текстом Л. П. Карсавин в книге «О началах» далее воспроизводится только в некоторых случаях.

³⁵ Одной из заметных тенденций в восприятии и оценке наследия Льва Карсавина стало то, что они часто продиктованы личной установкой каждого автора. Одни считают, что Карсавин – мыслитель «во многом тёмный», «отягощённый мистицизмом», «порой доходящий до экзальтации» [см.: Дьяков 2003, 261]. Другие определяют карсавинскую метафизику прямо противоположно – как «попытку мыслительного синтеза троического догмата и спекулятивно-логического триадизма», заявляя дополнительно, что карсавинский «дискурс остаётся на уровне ума, то есть мысль не спустилась до сердца, не прошла через религиозно-догматическое и церковное рассмотрение, чтобы стать подлинным богословием и славословием неприступной Трисвятой Жизни» [Махлак 1997].

³⁶ Елена Чеславовна Скржинская (1894–1971) – студентка Л. П. Карсавина по время его преподавания на Высших женских (Бестужевских) курсах в Санкт-Петербурге. Впоследствии состоялась как значительный советский учёный-медиевист.

Petropolitanae» (1922). Этот текст не был понят современниками, что, однако, не могло обесценить самого жанра произведения – гимна любви, в котором слышится эхо «Песни песней». Через несколько десятилетий Лев Платонович Карсавин написал Елене Чеславовне: «Именно Вы связали во мне метафизику с моей биографией и жизнью вообще» [цит. по: Ванеев 1990, 142]; для него эти слова не были метафорой, но выражали самую высшую личностную реальность. В сжатой, лапидарной форме вся суть карсавинской метафизики есть не что иное, как умозрение, рождённое мистическим переживанием любви в непреодолимости единства её соединяющей и разъединяющей силы, в единстве жизни и смерти.

Лев Платонович считал, что мистическая одарённость в разной степени, «иногда, правда, ничтожной», свойственна любому человеку [Карсавин 1994 а, 16]. Однако понятие мистики имеет слишком общее значение, в себе она многообразна, и всякое утверждение о мистическом характере творчества конкретного автора требует уточнений. Мысль Льва Карсавина имеет особое выражение в умозрительных озарениях, близких к мистике Плотина, Эриугены, Николая Кузанского, Баадера, Шеллинга, Гегеля. По той модальности существования, в какой он сам перечисляет эти имена, как имена авторов мистических [Карсавин 1994 а, 15], совершенно ясно, что к ним он относит и себя.

Отсюда ясно, почему, по Карсавину, только «мистически воспринимать недостаточно»; в его понимании «разум» и «духовный опыт» пронизывают друг друга, и невелика ценность каждого в оторванности от другого. На всяком «духовно-испытывающем» субъекте лежит долг правдивости и труда, т.е. обязанность «выразить испытываемое им и рационально» [Карсавин 1994 а, 15–21]. Карсавин признаёт неизбежность противоречий между наукой и верой, но, утверждая гла-венство познания верой, считает роковой ошибкой попытки их разграничить, как и сами попытки создавать картину миру, следуя принципу *«etsi Deus non daretur»*³⁷. В трактовке его мышления ошибочно противопоставление теологии и философии, апофатического и катафатического богословия [Карсавин 1994 а, 74–78]. Он не признаёт наличие между ними неустранимого разрыва, их разделённость преградой. К понятию преграды³⁸ Карсавин относился со всей религиозной значительностью, заключённой в стихе Послания Ефесянам 2:14–16; поэтому он и разместил фрагмент из этого стиха по обе стороны от подножия креста и дополнительно усилил внимание к нему тем, что визуально разъединил / соединил его прописной Ω. Традиционное церковное истолкование стиха о разрушении преграды, как стены, отделявшей язычников от Христа и преграждавшей им возможность спасения, препятствующей воссоединению человека с мистическим телом Церкви, русский метафизик дополняет своим пониманием: он пишет, что видит в этом ключевом событии истории человечества «преодоление абсолютной

³⁷ «*Etsi Deus non daretur*», «Как если бы Бога не было» (лат.) – тезис, формулировка которого часто приписывается Гуго Гроцию (1583–1645).

³⁸ В изданной книге «О началах» Л. П. Карсавин по каким-то причинам не воспроизводит исходные греческие слова «τὸ μεσότοιχον τοῦ φράγματος», а предлагает их латинскую транслитерацию *«to mesotoichon tu fragmu»* [Карсавин 1994 а, 285]. В работе «О личности» он использует греческое написание [Карсавин 1929, 152, 215].

непреодолимости смерти и греха» [Карсавин 1994 а, 285], границы эмпирического и метаэмпирического как «первой смерти» (Карсавин 1929, 215).

Лев Карсавин неоднократно возвращался к слову «преграда», фрагмент с которым вынесен им на рисунок. В его метафизике есть и родственные слова: предел, ограниченность, оконечность и др. Все они занимают важные места в обосновании его идеи о жизни-чрез-смерть; о самооконечивании Бога в кненозисе; о грехе как недостатке у человека стремления (хотения) к благу; об устраниении преграды в познании Бога; о всевременности как единстве разделённых множественных моментов; о совершенстве / несовершенстве и др. Они звучат и в его главном поэтическом и богословском памятнике – «Венке сонетов», «Терцинах»³⁹, а также в развернутом и кратком комментариях к этим стихам [Карсавин 1990 а; Карсавин 1990 б].

Наряду с тем, что каждый из текстовых фрагментов на изображении креста имеет свои метафизические трактовки в работах Льва Карсавина, в том сочетании, в каком они представлены на рисунке, очевидно отсутствует какая-либо ясно выраженная концептуальная связь. Нет никаких оснований пытаться выводить из стихов рисунка некое «Евангелие от Карсавина». Как видится, вектор творческого процесса при создании произведения был иным: автор двигался от нанесения символической «геометрии», визуализирующей его философские идеи, а затем дополнял схему теми фрагментами стихов, в каких они видел библейские основания положений его метафизики. При создании этого рисунка для Л. П. Карсавина имели самое большое значение глубоко скрытые личные мотивы, переживания и конкретные обстоятельства отдельных эпизодов его биографии, его духовного пути, что, впрочем, справедливо для всех его работ.

Датировка произведения

Установление точной даты создания рисунка креста представляет задачу, не решаемую с абсолютной степенью достоверности ввиду недостающих в настоящее время документальных источников. В известных письмах философа, как и в его теоретических работах, схема креста не упоминается. Вместе с тем, полученные результаты исследования дают основание считать, что это произошло уже после публикации книги «О началах». На это указывают наличие в ней всех фрагментов стихов, имеющихся на рисунке, и эпизод с диалогом монахов о схеме, поясняющей Тайну Пресвятой Троицы с упоминанием подобного рисунка в рукописи прп. Максима Исповедника. К тому же, схема с крестом не вошла в книгу «О началах», несмотря на свою завершённость, а редакция стихотворения о Софии заметно отличается от использованной в книге. В своей совокупности оба признака указывают на то, что графическое произведение было создано позже выхода книги, а особая бережность Льва Платоновича в сохранении рисунка предполагает, что мотивы его создания были связаны с глубоко интимными сторонами его биографии.

Для философского творчества Карсавина действительно была характерна постоянная рефлексия, самонаблюдение, тесная взаимосвязь умозрений общего

³⁹ Полная версия названных стихов была недавно обнаружена и впервые опубликована. См.: Шаронов 2021, 132–151.

порядка с личным духовным опытом и реальными эпизодами жизни. На это проницательно указал А. А. Ванеев, считавший, что в работах учителя «христианская идея находит себя в конкретном, и, обратно, живое конкретное внутренне напряжено настолько, что разрешается в идею» [Ванеев 1990, 142]. После всеобщей обструкции по выходе «Noctes Petropolitanae» с её недопустимыми, по мнению окружающих, откровениями, его устойчивой чертой стала «стыдливость чувств» [Карсавина 1955 а]. Конечно, это входило в резкое противоречие со стремлением Льва Платоновича к творческому философскому самовыражению. Решение проблемы он нашёл, продолжив вплетать в ткань своих работ интимные, биографические нити, но в их потайной, зашифрованной форме.

Анализ проникновенно-доверительной и продолжительной переписки дочерей Л. П. Карсавина с А. А. Ванеевым⁴⁰ открывает, что в семье Льва Платоновича при его жизни была табуирована только история его отношений с Е. Ч. Скржинской. Эта тема ещё в 1950-е гг. просто-напросто неизвестна дочерям; они даже писали Ванееву, что хотели бы прочитать «Noctes» и понять важность этого текста для отца [Карсавина 1956 б]. С этим разительно сближается и закрытость для дочерей истории создания рисунка креста и его значения.

В то же время книга «О началах» представляла собой первую часть большого труда, начатого ещё в 1919 г. [Клементьев 1994, 363]. Через 3 года после её выхода в свет – в январе 1928 г. – Карсавин переехал в Каунас, приняв предложение литовского университета. Должность приглашённого профессора обеспечила ему очень высокий и стабильный уровень жалованья, более чем достаточный для содержания жены и трёх дочерей. Именно ради их материального благополучия он не стал разрушать семью и не решился соединить свою жизнь с Е. Ч. Скржинской, когда в 1923 г., уступая его просьбам, она приехала в Берлин.

Начало работы над книгой «О началах» полностью совпало с началом истории его любви. Это было отмечено его знаковым визитом: в день 25-летия Скржинской, 24 апреля 1919 г., Карсавин специально пришёл в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК)⁴¹, в которой через 5 дней после этого события она и трудоустроилась [Герд 2004, 461]. Их общение и возрастание взаимных чувств сопровождались частыми долгими разговорами о средневековой истории и идеях его метафизики. Елена Чеславовна стала первой, кто выслушивал и оценивал размышления Льва Платоновича, чьи внимание и любовь вдохновляли его и вели мысль дальше.

В 1923 г. Елена Чеславовна уступила просьбам высланного из страны Льва Платоновича и в надежде на чаемое воссоединение приехала в Берлин. Но, видя его нерешительность, метания на разрыв между долгом отца трёх дочерей и соединением судьбы с ней, вернулась в Петроград. Переписка всё же продолжилась, и в августе 1930 г., не в последнюю очередь по этой причине, Е. Ч. Скржинская была уволена из ГАИМК. После увольнения её долго терзали вызовами в ОГПУ для

⁴⁰ Письма дочерей Льва Карсавина к А. А. Ванееву хранятся Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Фонд Р-101. Опись 1. Д. 71, 72.

⁴¹ По свидетельству В. И. Мажуги, коллеги Е. Ч. Скржинской, сообщённому автору настоящей статьи, Елена Чеславовна иногда делилась с ним некоторыми подробностями истории своих отношений с Л. П. Карсавиным.

расспросов о коллегах, безуспешно склоняли стать осведомителем. Жизнь Елены Чеславовны крайне осложнилась и по многим другим обстоятельствам, в т.ч. из-за исчезновения круга общения, когда многие из страха оборвали с ней контакты [Герд 2004, 464]. Долгое время она перебивалась случайными заработкаами, по причине отсутствия денег пыталась устроиться на курсы водителей трамвая, но и в этом ей было отказано. Со смертью любимой матери в 1930 г. она получила возможность выезжать из Ленинграда.

В личном архиве её лучшей подруги, известной пианистки М. В. Юдиной (1899–1970), близко дружившей также и с Л. П. Карсавиным, сохранился важный документ, указывающий на намерение Елены Чеславовны выехать к Льву Платоновичу в Каунас. Этот архивный источник – ответ Юдиной на письмо Скржинской с её просьбой дать совет по принятию важного решения. Интимный тон этого документа⁴² указывает, что речь идёт о теме любви к мужчине и соединении с ним: «Знаю, что Вам м. б. ещё того хуже и что я бессильна “утешить”, ибо знаю, что этого не может быть. Только хочу, чтобы Вы ехали, будь что будет – ах, при всей разнице *нас* – не слишком ли мы бережны и оглядчивы? Очертя голову, вслепую – не лучше ли для *них*? Разве что-либо важное в жизни бывало без страшного риска – не на жизнь, а на смерть?» [Юдина 2006, 193]⁴³.

Скржинская не приехала к Карсавину ни в 1930 г., ни позже. В 1932 г. он напечатал «Поэму о смерти», посвящённую, как и «Noctes Petropolitanae», Е. Ч. Скржинской, и создание этого реквиема любви особенно понятно в свете так и не состоявшегося воссоединения любящих сердец.

Всё это в совокупности – прочная связь работы «О личности» и рисунка, общие истории любви и создания этой книги, сохранение Львом Платоновичем тайны значения рисунка от родных, документальное свидетельство намерения Скржинской приехать к Карсавину в Каунас и т.д. – позволяет видеть в нарисованном им кресте произведение глубоко интимное, очень личное, а не только опыт визуализации метафизических идей.

Из внешних событий роль импульсов, подтолкнувших Л. П. Карсавина к созданию рисунка, могли сыграть две работы. Первая – это статья В. Н. Ильина (1891–1974) в парижском журнале «Православная мысль» № 1 за 1928 г. «Основные вопросы символики креста Господня» [Ильин 1928]. В семейном архиве потомков известного профессора философии В. Э. Сеземана (1884–1963), дружившего с Л. П. Карсавиным, его коллеги по университетам в Каунасе и Вильнюсе, мы обнаружили совместную фотографию семьи и родственников Василия Эмильевича с Владимиром Николаевичем Ильиным (ил. 15). На обратной стороне снимка имеется надпись о всех запечатлённых лицах и обозначена дата и место съёмки – 1932 г., Каунас.

Однако, как сообщил нам Георгий Васильевич Сеземан (1945–2022), подписи к фотографиям делались его матерью и сводной сестрой Натальей Юрьевной Климанскене после 1963 г. когда случилась смерть отца. Поэтому указанная дата имеет приблизительный характер. В любом случае снимок свидетель-

⁴² Большую часть писем, касавшихся интимных тем личной жизни Е. Ч. Скржинской, М. В. Юдина позже уничтожила [см.: Юдина 2010, 220].

⁴³ Курсив М. В. Юдиной.

ствует о визите В. Н. Ильина в Каунас, где он, без сомнения, не раз общался как с В. Э. Сеземаном, так и с Л. П. Карсавиным. Оба русских философа чувствовали себя в Литве одинокими из-за отсутствия равного круга общения [см.: Шаронов 2023, 95] и наверняка были рады визиту В. Н. Ильина как редкой возможности обсуждать интересующие их общие религиозно-философские темы в более широком круге.

Ил. 15. Слева направо: сидят – Владимир Николаевич Ильин,
Вильма Бруновна Сеземан, Василий Эмильевич Сеземан,
Тамара Эмильевна Сеземан; стоят: Марта Ивановна фон Домберт, неизвестный.
Архив семьи Георгия Васильевича Сеземана. Публикуется впервые.

Реставрация: С. С. Аванесов, 2025

Карсавин регулярно выезжал из Каунаса в Париж. Он не снижал своего интереса к теме мистики, следил за появлением книг, ей посвящённых. К числу таких наиболее заметных изданий, вышедших в первой трети XX века в столице Франции, относятся работы Анри Делакруа (1873–1937) «Исследования истории и психологии мистицизма: великие христианские мистики», Уильяма Джеймса (1842–1910) «Многообразие религиозного опыта», книжная версия диссертации Жана Барюзи (1881–1953) «Святой Хуан де ла Круз и проблема мистического опыта»⁴⁴. В 1929 г. предметом общественного обсуждения стала книга францисканца Бруно де Иисус-Мари (1892–1962) «Святой Иоанн Креста», похвальное предисловие к которой счёл необходимым написать Жак Маритен (1882–1973) [Maritain 1929]. Этим же потоком общественного внимания к темам мистики и символизма была подхвачена книга Рене Генона «Le symbolisme de la croix» – «Символика креста» [Guénon 1931].

⁴⁴ Об этой книге, имевшейся в личной библиотеке отца, А. А. Ванееву писала младшая дочь Карсавина Сусанна Львовна [Карсавина 1955 б]. А старшая дочь Ирина Львовна Карсавина сообщала Ванееву в письме, что чуть позже дня её совершеннолетия в 1925 г. отец давал ей книгу Анри Делакруа «о Хуане де ла Круз, Терезии д'Авилии и Мейстере Экхарте» [Карсавина 1955 а].

Рене Генон (1886–1951) был известен в парижских интеллектуальных кругах своей поразительной всеядностью и писательской плодовитостью. Он издал книги об эзотеризме, оккультизме, суфизме, гностицизме, каббале, индуизме, масонстве и пр. и зачастую затрагивал в них отдельные аспекты отношений этих учений к христианству. Генон относился к христианству с явно выраженным научнообразным – этнографическо-социологическим и одновременно универсалистским метафизическим – уклоном, позволяющим ему в любом религиозном учении обнаруживать выражение отвлечённого «Высшего», его символику, а в философии видеть только «рациональную спекуляцию» [см.: Генон 2003, 468]. На книгу Генона не мог не обратить внимания Карсавин, а его вполне ожидаемая критическая оценка этой работы могла содействовать рождению замысла о создании рисунка креста по принципу «*a contrario*», следуя реакции, весьма характерной для Льва Платоновича. Это тем вероятнее, что к моменту выхода названной книги атмосфера в религиозно-интеллектуальных кругах французской столицы была сильно разогрета дискуссиями о возможности адекватной передачи и исследования религиозности и мистики наукой – давними и постоянными темами Льва Платоновича Карсавина.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило историко-культурную и теоретическую значимость рисунка Л. П. Карсавина, хранящегося в его личном архиве в Отделе рукописей Вильнюсского университета. Рисунок представляет собой уникальный для всей истории русской религиозной философии пример сложной и развёрнутой визуализации метафизических положений и идей, представленных в их связи с библейскими стихами. Введение рисунка в научный оборот позволяет с новой и неожиданной стороны вернуться к анализу творческой судьбы одной из значительных фигур российской культуры.

Созданная Карсавиным графическая композиция имела для её автора глубоко интимное значение, символизирующее память о дорогом ему времени первых лет работы над книгой «О началах», совпавшем с началом и развитием личных отношений с Е. Ч. Скржинской, историю их любви.

Наиболее вероятным временем создания рисунка следует признать период 1930–1931 гг.

Наличие сложного изображения на кресте создаёт высокие риски конфессиональных и идеологических спекуляций псевдоспециалистов.

Интимный характер рисунка не предполагал придания ему публичного статуса, что с этической стороны ставит под вопрос уместность его переноса на памятник в Абези.

Учитывая 5 фактических ошибок при переносе рисунка на памятник и указанные выше обстоятельства, экспертному сообществу уполномоченных государственных органов Республики Коми целесообразно вынести обоснованное заключение о возможной замене нынешней надгробной плиты на строгий восьмиконечный православный крест.

Библиография

- Бурмистров 2011 – Бурмистров К. Ю. Примечания к лекции № 5 // Соловьёв В. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. Москва, 2011. С. 786–790.
- Ванеев 1990 – Ванеев А. А. Очерт жизни и идей Л. П. Карсавина // Звезда. 1990. № 12. С. 138–151.
- Ванеев 1950-е – Ванеев А. А. Рисунок восьмиконечного православного креста с гимном из трактата Карсавина Л. П. «София земная и горная». 1950-е гг. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Фонд Р-1012. Оп. 1. Д. 33.
- Генон 2003 – Генон Р. Символика креста / Пер. с фр. Т. М. Фадеевой. Москва, 2003.
- Герд 2004 – Герд Л. А. Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 2004. С. 458–521.
- Дьяков 2003 – Дьяков А. В. Гностицизм и русская философия. Опыт историко-философского анализа. Москва, 2003.
- Евлампиев 2010 – Евлампиев И. И. Два полюса восприятия Николая Кузанского в русской философии (С. Франк и Л. Карсавин) // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 125–138.
- Евлампиев 2022 – Евлампиев И. И. Философия Л. П. Карсавина и мистическое учение каббалы // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2022. Т. 16. № 2. С. 634–643.
- Епифанович 1917 – Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преподобного Максима Исповедника. Киев, 1917.
- Зайцева 2012 – Зайцева Ю. В Абези на могиле русского религиозного философа Л. П. Карсавина установлен памятник // Благовест. 27.11.2012. URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=50091> (дата обращения: 15.01.2025).
- Иларион 2013 – Иларион (Алфеев), митр. Священная тайна Церкви: введение в историю и проблематику имяславских споров. Санкт-Петербург, Москва, 2013.
- Ильин 1928 – Ильин В. Н. Основные вопросы символики креста Господня // Православная мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. 1928. № 1. С. 122–193.
- Карсавин 1919 – Карсавин Л. П. Saligia. Петроград, 1919.
- Карсавин 1922 – Карсавин Л. П. София земная и горняя (Неизданное гностическое сочинение) // Стрелец. 1922. № 3. С. 70–90.
- Карсавин 1928 – Карсавин Л. П. Россия и евреи // Версты. 1928. № 3. С. 65–86.
- Карсавин 1929 – Карсавин Л. П. О личности. Каунас, 1929.
- Карсавин 1932 – Карсавин Л. П. Поэма о смерти. Каунас, 1932.
- Карсавин 1951 а – Карсавин Л. П. Письмо к Л. Н. Карсавиной от 21.02.1951 // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. F. 138. Ap. 88.
- Карсавин 1951 б – Карсавин Л. П. Письмо к Л. Н. Карсавиной от 7.03.1951 // Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius. F. 138. Ap. 88.
- Карсавин 1990 а – Карсавин Л. П. Комментарий [к Венку сонетов и Терцинам] // Ванеев А. А. Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Париж, Брюссель, 1990. С. 299–327.
- Карсавин 1990 б – Карсавин Л. П. Краткий комментарий [к Венку сонетов и Терцинам] // Ванеев А. А. Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Париж, Брюссель, 1990. С. 328–332.
- Карсавин 1994 а – Карсавин Л. П. О началах. Санкт-Петербург, 1994.
- Карсавин 1994 б – Карсавин Л. П. О свободе // Карсавин Л. П. Малые сочинения. Санкт-Петербург, 1994. С. 447–469.

- Карсавина 1955 а – Карсавина И. Л. Письмо А. А. Ванееву от 26.06.1955 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 71. Л. 16.
- Карсавина 1955 б – Карсавина С. Л. Письмо А. А. Ванееву от 27.06.1955 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 72. Л. 37.
- Карсавина 1956 а – Карсавина С. Л. Письмо А. А. Ванееву от 06.05.1956 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 72. Л. 44.
- Карсавина 1956 б – Карсавина С. Л. Письмо А. А. Ванееву от 17.06.1956 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 72. Л. 46.
- Клементьев 1994 – Клементьев А. К. Послесловие // Карсавин Л. П. О началах. Санкт-Петербург, 1994. С. 363–371.
- Малинов 2011 – Малинов А. В. Понятие единства у Николая Кузанского и Льва Карсавина // Verbum. Вып. 13. Санкт-Петербург, 2011. С. 496–514.
- Махлак 1997 – Махлак К. А. Триадология Л. П. Карсавина на материале трактата «О личности» // Начало. 1997. № 5. URL: <https://teolog.info/theology/triadologiya-l-p-karsavina-na-material/> (дата обращения: 15.02.2025).
- Мелих 2000 – Мелих Ю. Б. Значение понятия «стяжённое» Н. Кузанского и его интерпретация в учении Л. П. Карсавина // Историко-философский ежегодник. 2000. Москва, 2002. С. 263–277.
- Николай Кузанский 1980 – Николай Кузанский. Игра в шар // Сочинения. Т. 2. Москва, 1980. С. 249–416.
- Орен, Прат 1996 – Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8 / Ред. И. Орен, Н. Прат. Иерусалим, 1996.
- Родин 2006 – Родин Е. В. Гностический ethos и нравственная метафизика Л. П. Карсавина. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. Тула, 2006.
- Соловьёв 1894 – Соловьёв В. С. Каббала // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Т. 26. Санкт-Петербург, 1894. С. 782–784.
- Соловьёв 1896 – Соловьёв В. С. Предисловие [к кн.:] Д. Г. Гинцбург. Каббала, мистическая философия евреев // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 3 (33). С. 277–279.
- Соловьёв 2011 – Соловьёв В. С. Лекции, читанные на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1882 году. Лекция 5 // Полное собрание сочинений и писем. Т. 4. Москва, 2011. С. 459–464.
- Указ 1999 – Указ Главы Республики Коми № 6 от 14.01.1999 «О включении объектов исторического и культурного значения в перечень памятников истории и культуры местного (республиканского) значения» // Республика. 02.02.1999. Сыктывкар, 1999. С. 2.
- Шаронов 2021 – Шаронов В. И. «Незнаем ты без них и без меня». Предисловие к первой публикации полной редакции «Венка сонетов» и «Терцин» Л. П. Карсавина // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 117–151.
- Шаронов 2023 – Шаронов В. И. Философ, не научившийся мудрости // Человек. 2023. Т. 34. № 5. С. 83–113.
- Юдина 1930 – Юдина М. В. Письмо Е. Ч. Скржинской от 26 декабря 1930 // Юдина М. В. Высокий стойкий дух. Переписка 1918–1945. Москва, 2006. С. 193–194.
- Юдина 1965 – Юдина М. В. Письмо Е. Ч. Скржинской от 5 марта 1965 // Юдина М. В. Нереальность зла. Переписка 1964–1966 гг. Москва, 2010. С. 219–221.

- Ginsburgh 1992 – Ginsburgh Y. The Hebrew letters channels of creative consciousness. Jerusalem, 1992.
- Guénon 1931 – Guénon R. Le Symbolisme de la Croix. Paris, 1931.
- Karsavin 2002 – Karsavin L. P. Tai tu mane kvieti. Vertėjas Alfonsas Bukontas. Vilnius, 2002.
- Kozyrev 2022 – Kozyrev A. P. The seductions of Gnosticism: Lev Karsavin and gnosis. *Russian Studies in Philosophy*. 2022. Vol. 60. 6. Pp. 473–488.
- Maritain 1929 – Maritain J. Préface. *Bruno de J. M. Fr. Saint Jean de la Croix*. Paris, 1929. Pp. 1–28.
- Reuchlin 1993 – Reuchlin J. On the art of the Kabbalah. Lincoln, 1993.

References

- Burmistrov 2011 – Burmistrov K. Yu. Notes to lecture 5. *Solov'yov V. S. Complete Works and Letters*. Vol. 4. Moscow, 2011. Pp. 786–790. In Russian.
- Decree 1999 – Decree of the Head of the Komi Republic No. 6 “On the inclusion of objects of historical and cultural significance in the list of historical and cultural monuments of local (republican) significance” (January 14, 1999). *Republic*. February 2, 1999. Syktyvkar, 1999. P. 2. In Russian.
- Dyakov 2003 – Dyakov A. V. Gnosticism and Russian philosophy. The experience of historical and philosophical analysis. Moscow, 2003. In Russian.
- Epifanovich 1917 – Epifanovich S. L. Materials for the study of the life and works of St. Maximus the Confessor. Kyiv, 1917. In Russian.
- Evlampiev 2010 – Evlampiev I. I. Two poles of perception of Nikolai Kuzansky in Russian philosophy (S. Frank and L. Karsavin). *Voprosy Filosofii*. 2010. 5. Pp. 125–138. In Russian.
- Evlampiev 2022 – Evlampiev I. I. The philosophy of L. P. Karsavin and the mystical teaching of Kabbalah. *ΣΧΟΛΗ (Schole). Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2022. Vol. 16. 2. Pp. 634–643. In Russian.
- Gerd – 2004 – Gerd L. A. E. Ch. Skrzhinskaya: life and works (based on the materials of the personal fund). *The World of Russian Byzantine Studies. Materials from the archives of St. Petersburg*. St. Petersburg, 2004. Pp. 458–521. In Russian.
- Ginsburgh 1992 – Ginsburgh Y. The Hebrew letters channels of creative consciousness. Jerusalem, 1992.
- Guénon 1931 – Guénon R. Le Symbolisme de la Croix. Paris, 1931.
- Guénon 2003 – Guénon R. Symbolism of the cross. Transl. into Russian by T. M. Fadeeva. Moscow, 2003.
- Hilarion 2013 – Hilarion (Alfeyev), metropolitan. The sacred mystery of the church: an introduction to the history and problems of disputes about imiaslavie. St. Petersburg, Moscow, 2013. In Russian.
- Ilyin 1928 – Ilyin V. N. Basic questions in symbolic of the Lord's Cross. *Orthodox thought. Proceedings of the Orthodox Theological Institute in Paris*. 1928. 1. Pp. 122–193. In Russian.
- Karsavin 1919 – Karsavin L. P. Saligia. Petrograd, 1919. In Russian.
- Karsavin 1922 – Karsavin L. P. Sophia the Earthly and the Heavenly (unpublished gnostic work). *Strelets*. 1922. 3. Pp. 70–90. In Russian.
- Karsavin 1928 – Karsavin L. P. Russia and the Jews. *Versty [Miles]*. 1928. 3. Pp. 65–86. In Russian.
- Karsavin 1929 – Karsavin L. P. On personality. Kaunas, 1929. In Russian.
- Karsavin 1932 – Karsavin L. P. A poem about death. Kaunas, 1932. In Russian.
- Karsavin 1951 a – Karsavin L. P. Letter to L. N. Karsavina, February 21, 1951. *Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius*. F. 138. Ap. 88. In Russian.

- Karsavin 1951 b – Karsavin L. P. Letter to L. N. Karsavina, March 17, 1951. *Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius*. F. 138. Ap. 88. In Russian.
- Karsavin 1990 a – Karsavin L. P. Commentary on the *Wreath of Sonnets and Tercets*. Vaneev A. A. Two years in Abez. In memory of L. P. Karsavin. Bruxelles, Paris, 1990. Pp. 299–327. In Russian.
- Karsavin 1990 b – Karsavin L. P. A brief commentary on the *Wreath of Sonnets and Tercets*. Vaneev A. A. Two years in Abez. In memory of L. P. Karsavin. Bruxelles, Paris, 1990. Pp. 328–332. In Russian.
- Karsavin 1994 a – Karsavin L. P. On the principles. St. Petersburg, 1994. In Russian.
- Karsavin 1994 b – Karsavin L. P. On freedom. *Karsavin L. P. Small Works*. St. Petersburg, 1994. Pp. 447–469. In Russian.
- Karsavin 2002 – Karsavin L. P. Tai tu mane kvieti. Vertējas Alfonsas Bukontas. Vilnius, 2002.
- Karsavina 1955 a – Karsavina I. L. Letters to A. A. Vaneev, June 26, 1955. CSALA [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg]. F. P-1012. In. 1. C. 71. Sh. 16. In Russian.
- Karsavina 1955 b – Karsavina S. L. Letters to A. A. Vaneev, June 27, 1955. CSALA. F. P-1012. In. 1. C. 72. Sh. 37. In Russian.
- Karsavina 1956 a – Karsavina S. L. Letters to A. A. Vaneev, May 6, 1956. CSALA. F. P-1012. In. 1. C. 72. Sh. 44. In Russian.
- Karsavina 1956 b – Karsavina S. L. Letters to A. A. Vaneev, June 17, 1956. CSALA. F. P-1012. In. 1. C. 72. Sh. 46. In Russian.
- Klementyev 1994 – Klementyev A. K. Afterword. *Karsavin L. P. On the principles*. St. Petersburg, 1994. Pp. 363–371. In Russian.
- Kozyrev 2022 – Kozyrev A. P. The seductions of Gnosticism: Lev Karsavin and gnosis. *Russian Studies in Philosophy*. 2022. Vol. 60. 6. Pp. 473–488.
- Nicolaus Cusanus 1980 – Nicolaus Cusanus. The Game of Spheres. *Nicolaus Cusanus. Works*. Vol. 2. Transl. into Russian. Moscow, 1980. Pp. 249–316.
- Makhlak 1997 – Makhlak K. A. The triadology of L. P. Karsavin based on the material of the treatise “On Personality”. *The Beginning. Journal of the Institute of Theology and Philosophy*. 1997. 5. Pp. 26–31. URL: <https://teolog.info/theology/triadologiya-l-p-karsavina-na-material/> (accessed: 15.02.2025). In Russian.
- Malinov 2011 – Malinov A. V. The concept of unity in Nikolai Kuzansky and Lev Karsavin. *Verbum*. Is. 13. St. Petersburg, 2011. Pp. 496–514. In Russian.
- Maritain 1929 – Maritain J. Préface. *Bruno de J. M. Fr. Saint Jean de la Croix*. Paris, 1929. Pp. 1–28.
- Melikh 2000 – Melikh Yu. B. The meaning of the concept of “contracted” by N. Kuzansky and its interpretation in the teachings of L. P. Karsavin. *History of Philosophy Yearbook*. 2000. Moscow, 2002. Pp. 263–277. In Russian.
- Oren, Prat 1996 – Shorter Jewish encyclopedia. Vol. 8. Ed. by I. Oren, N. Prat. Jerusalem, 1996. In Russian.
- Reuchlin 1993 – Reuchlin J. On the art of the Kabbalah. Lincoln, 1993.
- Rodin 2006 – Rodin E. V. Gnostic ethos and moral metaphysics of L. P. Karsavin. Dissertation for the degree of Cand. Sci. in Philosophy. Tula, 2006. In Russian.
- Sharonov 2021 – Sharonov V. I. “You are unknown without them and without me”. Preface to the first publication of the complete editions of the “Wreath of Sonnets” and “Tertsin” by L. P. Karsavin. *Christian Reading*. 2021. 3. Pp. 117–151. In Russian.
- Sharonov 2023 – Sharonov V. I. A philosopher, who failed to learn wisdom. *Chelovek*. 2023. Vol. 34. 5. Pp. 83–113. In Russian.

- Solovyov 1894 – Solovyov V. S. Kabbalah. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Vol. 26. St. Petersburg, 1894. Pp. 782–784. In Russian.
- Solovyov 1896 – Solovyov V. S. Preface to Ginzburg D. G. Kabbalah, the mystical philosophy of the Jews. *Questions of Philosophy and Psychology*. 1896. Book 3 (33). Pp. 277–279. In Russian.
- Solovyov 2011 – Solovyov V. S. Lectures at the Higher Women's (Bestuzhev) courses in 1882. Lecture 5. *Complete Works and Letters*. Vol. 4. Moscow, 2011. Pp. 459–464. In Russian.
- Vaneev 1990 – Vaneev A. A. An essay on the life and ideas of L. P. Karsavin. *Zvezda*. 1990. 12. Pp. 138–151. In Russian.
- Vaneev 1950s – Vaneev A. A. Drawing of an eight-pointed Orthodox cross with verses from L. P. Karsavin's treatise "Sophia the Earthly and the Heavenly". 1950s. CSALA. F. P-1012. In. 1. C. 71. Sh. 37. In Russian.
- Yudina 1930 – Yudina M. V. Letter to E. Ch. Skrzhinskaya, December 26, 1930. *Yudina M. V. High Persistent Spirit. Correspondence 1918–1945*. Moscow, 2006. Pp. 193–194. In Russian.
- Yudina 1965 – Yudina M. V. Letter to E. Ch. Skrzhinskaya, March 5, 1965. *Yudina M. V. The Unreality of Evil. Correspondence 1964–1966*. Moscow, 2010. Pp. 219–221. In Russian.
- Zaitseva 2012 – Zaitseva Yu. Russian grave of religious philosopher L. P. Karsavin is marked by a monument in Abez. *Blagovest*. November 27, 2012. URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=50091> (accessed: 15.01.2025). In Russian.

Информация об авторе

Владимир Иванович Шаронов
 кандидат педагогических наук,
 ведущий научный сотрудник
 Западный филиал Российской академии народного хозяйства
 и государственной службы при Президенте Российской Федерации
 Российская Федерация, 236016, Калининград, Артиллерийская ул., 62
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9708-1446>
 e-mail: sharonovi@gmail.com

Information about the author

Vladimir I. Sharonov
 Cand. Sci. (Pedagogics)
 Leading Research Fellow
 Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Western branch
 62, Artilleriyskaya St., Kaliningrad, 236016, Russian Federation
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9708-1446>
 e-mail: sharonovi@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 04.02.2025

Принят к публикации / Accepted 28.07.2025